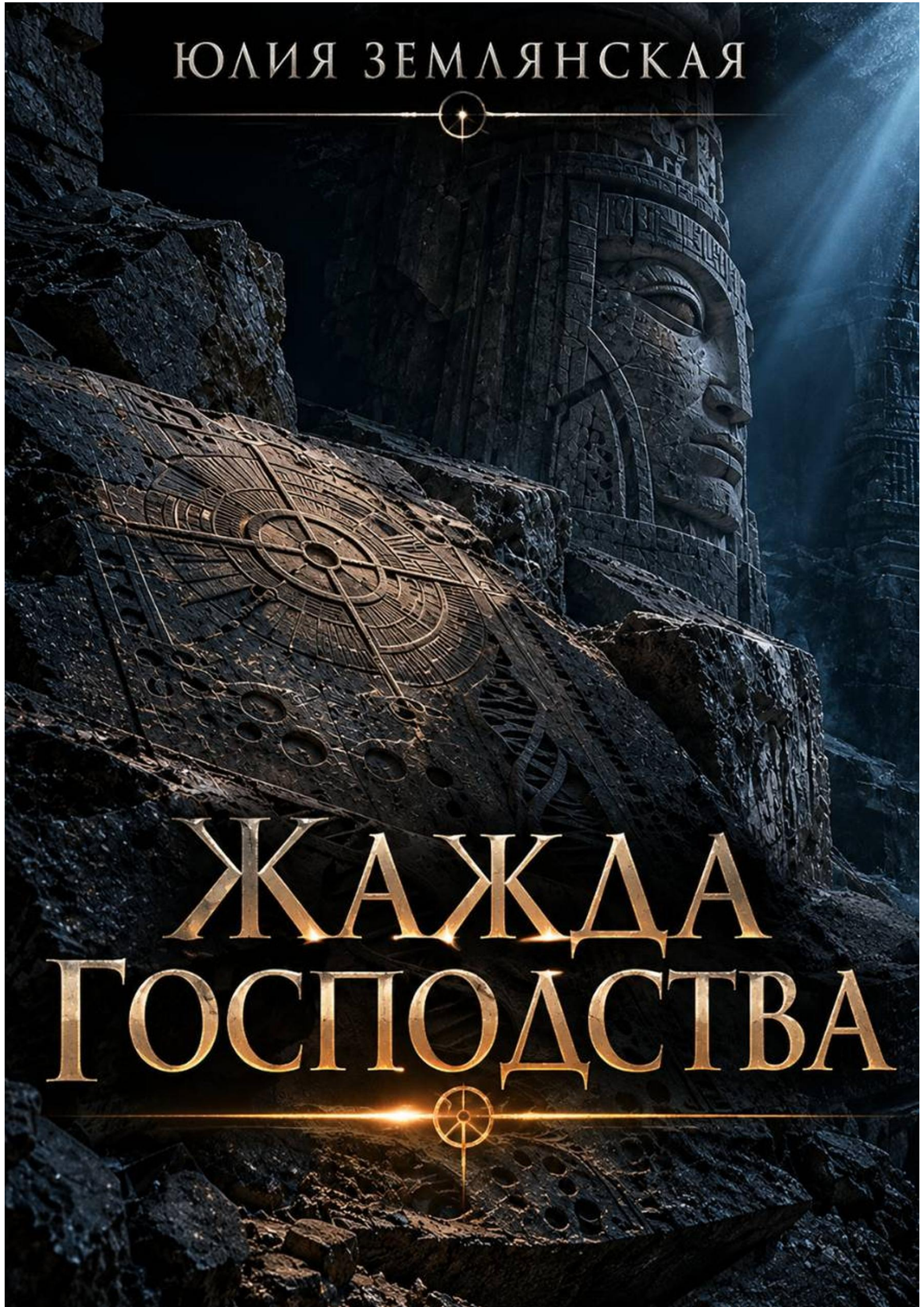

ЮЛИЯ ЗЕМЛЯНСКАЯ
ЖАЖДА
ГОСПОДСТВА

Юлия Землянская

Жажда господства

«Автор»
2026

Землянская Ю.

Жажда господства / Ю. Землянская — «Автор», 2026

Вторая книга из цикла "Рассвет и падение". Действия происходят спустя четыре года после событий на Черном озере. Герман надеялся, что история древних великанов закончилась и осталась лишь страшным воспоминанием, которое отныне будут хранить лишь двое: он и Милен. Но однажды очередной вызов в кабинет начальника оборачивается неожиданностью. Герману передают на ознакомление секретную папку, его новое задание. Он понимает: ничего не закончилось, все только начинается.Чтобы разгадать жуткий феномен, потрясший провинциальный город Верхогорье, ему вновь придется объединиться с Миленом. Но расследование усложняют ложные показания, которые они некогда дали спецслужбам о Черном озере. Ложь множится, оставляя все меньше пространства для маневра.

© Землянская Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Юлия Землянская
Жажда господства

ПРОЛОГ

Незнакомка шла неторопливой величественной поступью, умудряясь обходить хмурых, погруженных в себя прохожих, будто вода, обтекающая камни, не задевая никого и не цепляя взгляды. И это удивляло Милена, который брел за ней, словно тень. Он не понимал, почему никто не обращает на нее внимание… ведь она другая. Походка и прямая осанка не вязались с обликом подростка. На вид она казалась старшеклассницей: тонкий силуэт, худые длинные ноги, открытые под короткой плиссированной юбкой, мешковатое черное худи, подчеркивающее ее хрупкость, и темные взъерошенные волосы, спадающие на плечи.

Милен старался пристально ее рассмотреть, но мысли уплывали, будто кто-то подменял их туманом. Он понимал, что порой впадает в прострацию: безвольный, отрешенный, он просто шагал за этим загадочным созданием след в след.

Когда он пришел в себя, толпы уже не было. Они шли по пустой асфальтированной дороге, бесконечной лентой уходящей в даль. С обеих сторон тянулись лесополосы, и воздух здесь был так чист и прозрачен, что Милену казалось, что он смотрит на этот мир через увеличительное стекло, под которым все до мельчайшей детали обретало резкость: запыленные травинки на обочине, тонкие трещины на асфальте, старые вмятины от колес, как следы забытого прошлого, когда этой дорогой пользовались регулярно.

Незнакомка иногда замедляла шаг и будто бы прислушивалась к чему-то, но потом вновь продолжала путь в прежнем темпе, завораживая Милена своей плывущей походкой.

Слева выросло здание - громоздкое, с сильно выступающими эркерами и тремя мозаиками над парадным входом. Милен попытался присмотреться, но едва сумел различить изображение мужских силуэтов и животных, то ли птицы, то ли крылатые кони; голова кружилась, когда он пытался сфокусироваться на деталях. На мгновение перед глазами мелькнула табличка, на которой он успел различить «… научно-исследовательский…».

В следующую секунду он уже оказался внутри. Просторный холл, залитый светом, был наполнен людьми. Незнакомка шла прямиком к лестнице, широкой и основательной, как и все в этом месте. Милен не отставал от нее. Никто словно не замечал чужаков, кто-то вел оживленную беседу, кто-то спорил, кто-то спешил куда-то, сжимая в руках папки, чертежи, то тут то там раздавались смешки. Лица смазывались, голоса людей сливались в общий гул.

Милен поднялся за незнакомкой по ступеням. На пролете, где лестница раздваивалась, она вдруг остановилась. Милен замер за ее спиной. Она медленно обернулась в пол-оборота, мазнула невидящим взглядом по Милену и в холле резко стихло, исчезли голоса, исчезли люди.

Незнакомка, тем временем, полностью развернулась и Милен впервые увидел ее лицо. Ее невзрачный образ почему-то с первой секунды впечатался в память. Самое обычное невыразительное лицо, узкое, с впалыми щеками. Милен понял, что она точно старше, чем он думал, когда наблюдал за ней со спины. Ему казалось, что у нее будет челка, спадающая на глаза, но нет, лоб был открыт, а над бровью виднелась крупная родинка. Тонкие губы были расслаблены, а светло-серые глаза смотрели неожиданно пронзительно, но мимо. Незнакомка слепо водила взглядом.

- Где ты? – шепнула она. – Почему преследуешь меня?

Милен хотел ответить, что не собирался ее тревожить, но не смог вымолвить и слова.

- Где ты, тень? Покажись, - продолжала шептать незнакомка. – Кто тебя закрыл от моих глаз?

Она втянула воздух, словно пытаясь уловить его запах. Милен же искал ее взгляд, хоть и боялся утонуть в его загадочной глубине.

- Не ходи за мной, тень. – Отчеканила она вдруг. Голос ее был тверд и звучал немного разочаровано, будто она, наконец, смирилась, что не сможет увидеть своего преследователя.

Развернувшись, незнакомка направилась вверх по лестнице. А Милен проснулся.

Этот сон, как и предыдущие, слегка деморализовал его и дезориентировал. Он промор-гался и удобнее сел в кресле, с которого почти сполз во время сна. Проснулся он все в той каморке, где несколькими минутами ранее корпел над чертежами, но внимание обратил на это лишь краем сознания, уловив периферическим зрением знакомые очертания интерьера.

Первым, кого он увидел, когда распахнул глаза, был Герман, которого в последний раз видел четыре года назад. За спиной его маячил раздражающий Максим Андреевич. Чернов, глядя на пробудившегося ученого, улыбался привычной дежурной улыбкой, хотя глаза излу-чали искреннее тепло.

- Ну привет, дружище.

Глава 1

Жаркое июльское солнце растекалось по степям Оренбургской области густым, немилосердным светом, жгучим и ярким, как расплавленное золото. Электронные часы на приборной панели показывали полдень, когда автомобиль Германа покатил по холмистой дороге к Верхогорью. Асфальт впереди дрожал от марева, и казалось, что мир вокруг тает, исчезая в зыбкой дымке, скрывающей горизонт.

Окна машины были открыты, и ветер, знойный, напоминающий дыхание печи, трепал волосы, принося с собой терпкий запах выжженной травы и пыли. По обе стороны дороги тянулись просторные, мягко перекатывающиеся холмы, словно каменные волны, навеки застывшие в движении. Ветер лениво шевелил низкие кустарники с блеклой и вялой листвой и ковыль, серебристые нити которого поблескивали на солнце. Деревья встречались редко: тонкие силуэты, затерянные в море выгоревшей травы выглядели, как одинокие часовые, задремавшие на посту.

Герман прибавил звук, когда на местной радиоволне начался выпуск новостей. Голос диктора то чисто звучал, то тонул в шорохе помех, будто пыльный ветер степи проник даже в студию и шуршал песком по мембране микрофона.

Новости начались с жалоб на невыносимую жару, иссушающую земли и поджигающую степи. А продолжились беспрецедентной ситуацией в восточном районе города Верхогорье, где за сутки из строя вышли одна за другой коммунальные системы, сначала водоснабжения, потом газопровода и теплосетей. Жителей района спешно эвакуировали. А вот сроки устранения последствий аварии власти до сих пор не огласили. «Когда же мы вернемся домой?» — главный вопрос, который, по словам диктора, повторяли в интервью горожане.

Герман уже знал ответ. Вернее, подозревал, что возвращения не будет. Не после тех трех сухих строк в папке «совершенно секретно», которые он прочел несколькими днями ранее в кабинете начальства. Емкие, сухие, официальные. И ошеломляющие. За ними в полной мере ощущался масштаб беды, который невозможно было обличить в слова.

За очередным поворотом, вынырнув из марева, показались очертания Верхогорья.

Город встретил Германа новыми красками и суетой. Несмотря на полуденное пекло, на улицах было оживленно. Окраина казалась знакомой — типичный спальный район, как в десятках других городов: серые панельные дома, дворы с выцветшими лавочками, и небольшие детские площадки, яркие и еще новые, и тоже типичные, построенные по единой государственной программе. Но чем ближе к центру, тем гуще становился колорит.

В Старом городе улицы шли неровными линиями, будто нарисованные нетвердой рукой. По обе стороны стояли старинные дома из красного кирпича, местами потемневшего от времени, с коваными балконами и парадными, с рассохшимися деревянными дверями и бронзовыми ручками. На карнизах чернели голуби, а в окнах отражалось яркое летнее небо.

На светофоре Герман огляделся: у ларька с фруктами, в тени пологого навеса, женщины выбирали сочные абрикосы; неподалеку трое мужчин, окружив пластиковый столик возле киоска с прохладительными напитками, горячо спорили и жадно пили газировку из одноразовых стаканчиков. Детский смех, звон велосипедных звонков, гул автобусов на остановках. Воздух был густой, вязкий: он пах раскаленным асфальтом, бензином, свежей душистой выпечкой и горячей пылью, которую ветер гнал из степи, забивая легкие.

Герман закрыл окна и включил кондиционер, отрезавшись от раскаленного песка и уличного шума.

Наконец показался оцепленный квартал. На въезде — КПП: металлический шлагбаум, тесная будка и двое мужчин в полицейской форме, изнывающие от жары и обмахивающиеся газетами. Герман предъявил пресс-карту и специальный пропуск, выданный для работы в

закрытой зоне. Дежурный бегло сверил бумаги, черкнул что-то в журнале и, протерев влажным платком испарину на лбу, ткнул пальцем в карту:

— Археологи здесь. Сейчас по главной, потом направо.

Как только Герман пересек границу закрытой зоны, он увидел совсем другой мир. Апокалиптичный. Яркая жизнь осталась за шлагбаумом, а здесь царило затянувшееся послесловие к неизвестной катастрофе. Пустынные улицы выглядели невзрачными и безжизненными. Растительности тут тоже было мало, как и в жилой части города, поэтому ветру ничего не препятствовало на пути, он поднимал мелкий мусор и гонял по дорогам струи песка, похожие на маленькие юркие змейки. Кругом — закрытые магазины, пыльные вывески и витрины, за которыми сгустилась темнота. Странное, глухое безмолвие настораживало.

По подсказке дежурного Чернов свернул в нужном месте во дворы и слегка убавил скорость, с тревогой разглядывая окрестности: засохшие цветы в клумбах, зашторенные окна. У крыльца детского сада — качели, с облупившейся от солнца краской, поскрипывали от порывов ветра.

Впереди, неожиданно для этого застывшего мира, появились признаки жизни. Возле одного из домов клубился пар над полевой кухней. В тени после плотного обеда отдыхали рабочие. Кто-то лежал на лавке, прикрыв лицо кепкой, кто-то — прямо на земле, подложив под спину спецовку, двое мужчин сидели на ступенях подъезда и молча курили.

Герман припарковался неподалеку и вышел из машины.

— Здравствуйте, — бросил он. — Я ищу Милена Вербицкого.

Рабочие окинули его равнодушными взглядами и лениво поздоровались в ответ.

— Вроде в «вольере» его видел, — сказал кто-то тихо.

— Ага, на обед так и не вышел, — усмехнулся другой.

Лишь один, плотный мужчина, с обветренным лицом, приподнялся на скамье и заинтересованно глянул на Германа:

— Миленчик внизу в конуре босса. Все никак не расстанется со своими бумажками.

— А кто его спрашивает? — раздалось вдруг со стороны полевой кухни.

Чернов обернулся. К нему шел мужчина. На вид лет сорока, в мятой рубашке с темными влажными пятнами под мышками, в пыльных сандалиях и светоотражающей жилетке. Редкие волосы, зачесанные назад, тщетно пытались прикрыть плешь на макушке. Взгляд был строгий и высокомерный. Герман молча проследил за приближением этого персонажа и, когда тот остановился в паре шагов, сунул ему под нос пресс-карту.

— Герман Чернов. Специальный корреспондент. По направлению из Москвы.

Мужчина, зажав между коленей папку, деловито извлек из нагрудного кармана очки и дотошно изучил предложенный документ.

— Да-да, — протянул он с напускной усталостью. — Меня предупреждали о вашем визите. Будто дел других нет.

Он убрал очки обратно в карман и, выхватив папку, сунул ее подмышку.

— Меня зовут Максим Андреевич Дыбин. Я тут главный. Я и введу вас в курс дела.

Фамилия была смутно знакомой. Кажется, встречалась в новостных сводках о приангарских раскопках. Герман медленно снял солнечные очки, уже отчетливо понимая, что с «главным» он точно не поладит. Они сцепились взглядами. Никто из них не потянулся, чтобы пожать другому руку. Рабочие притихли и, растеряв равнодушие, с интересом наблюдали, как в раскаленном воздухе искрится невидимое напряжение.

— Мне нужен Милен Вербицкий, — холодно произнес Чернов, понизив голос так, что он стал почти угрожающим.

Дыбин уже раскрыл рот, готовясь выразить недовольство, но, поймав выражение лица Германа, шумно выдохнул и проглотил слова. Кто-то из рабочих хмыкнул. «Главный» поморщился и, напустив на себя оскорбленный вид, молча направился к подъезду; мужчины, сидев-

шие на ступенях, потеснились, пропуская его. Герман поднялся следом. Дверь, ведущая в подъезд, была закрыта. Рядом — вторая, распахнутая настежь, вела в подвал. Туда и направился Дыбин, ворча под нос, что не позволит отвлекать своих людей от работы. Но Герман предпочел не обращать внимание на его раздражающий бубнеж.

Ступени были высокие и сбитые временем; бетон крошился под ногами. Спустившись, они попали в душный коридор: узкий и неровный, стены — шероховатые, с редкими трещинами. Воздух, пропитанный смесью мышиной отравы и ржавчины, вызывал отвращение. Потолок опускался так низко, что практически касался макушки. Тусклая лампочка над выходом моргала, будто собиралась погаснуть.

Слева показалась тщедушная дверь, с щелей тянуло затхлым теплом и пылью. Дыбин приоткрыл ее и недовольно махнул рукой:

— Проходите.

Комнатка оказалась тесной, с одним крошечным окном под самым потолком. Два вентилятора гоняли теплый воздух, в котором пахло бумагой, старой краской и чем-то металлическим, резким. На грязно-серых, словно закопченных, стенах висели чертежи и знакомые снимки – похожие Герман видел в секретной папке в Москве. Столы стояли вплотную друг к другу, на них громоздились кипы бумаг, линейки, канцелярские стаканы с ручками и карандашами. Все здесь выглядело так, будто комната давно не видела свежего воздуха: лампа тускло освещала пыль в воздухе, а стены, казалось, слегка сходились, давя на плечи.

За одним из столов, утонув в старом потрепанном кресле, спал Вербицкий. Герман едва заметно улыбнулся. Ему было привычно видеть ученого в таком виде: с тенью усталости под глазами, с кружкой остывшего кофе под рукой, в окружении хаоса из книг, чертежей и клочками бумаги с расшифровками древних текстов. Но здесь, в этой давящей коробке из бетона, он выглядел словно пленник. Ему больше шли свежий воздух, бескрайние леса и тихие разговоры у костра в вечернем сумраке; там он был живым, свободным, а здесь — лишь тусклой тенью самого себя.

Дыбин за спиной Германа нарочито громко откашлялся. Милен дрогнул едва заметно и открыл глаза.

— Ну привет, дружище, — первым поздоровался Чернов, когда сонный взгляд ученого, наконец, остановился на нем.

***

Милен резко вскочил с кресла и рванул к агенту, едва не налетев на стол, будто забыл про его существование. На лице его мешались и радость, и тревога, и досада, и облегчение.

— Герман!.. – воскликнул он и набрал в легкие воздух, явно готовясь выдать тираду, но осекся, покосившись в сторону Дыбина.

Чернов обернулся. Мужчина стоял в дверях и, обмахиваясь папкой, переводил негодующий взгляд с одного на другого. Заполучив долгожданное внимание, он открыл было рот, видимо, чтобы сморозить по мнению Германа какую-то глупость, но снаружи его вдруг окликнули рабочие. Пришлось спешно ретироваться.

— Герман, что происходит? – запальчиво зашептал Милен, когда они остались наедине и их взгляды снова встретились.

Чернов приложил указательный палец к губам, призывая к молчанию, после чего приблизился к столу, над которым навис сбитый с толку ученый, упершись ладонями в столешницу.

— Это ты мне скажи, что тут у вас происходит, — Герман бесшумно извлек из стакана карандаш и черкнул на обрывке бумаги «меня прослушивают». — Где ты — там начинаются какие-то странности.

Голос его прозвучал насмешливо, с дружеской теплотой, которая после четырех лет затишья и надоедливого автоответчика на другом конце провода, наверняка показалась ученому

насмешкой. Милен на секунду опустил взгляд на записку, а прочитав ее, вскинул удивленные глаза.

— Ну дай уж обниму тебя, дружище, — все с той же теплотой в голосе произнес Чернов, но взгляд был серьезным, колким.

В следующую секунду, он перегнулся через стол и сгреб Милена в охапку. Его худые плечи были каменными от напряжения. Герман недовольно хмыкнул, почувствовав его состояние, и отстранился.

— Так что тут у вас? Выкладывай.

Ученый смотрел на него требовательно, и в то же время с легким недоверием, словно опасался, что тот растает прямо на глазах, как мираж.

Теперь Герман заметил перемены: за эти годы Милен словно окреп изнутри. Чуть тверже стала линия подбородка, спокойнее — взгляд. Эйфория первой встречи быстро ушла, уступив место сосредоточенности и даже холодной решимости.

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – пробормотал ученый и нацарапал на том же клочке бумаги «нам нужно поговорить».

— Твоя правда, — Чернов взял листок и пробежавшись по нему глазами, скомкал его и спрятал в карман брюк. — Ну веди тогда, показывай, пока этот малахольный не вернулся.

Они снова встретились взглядами и Герман кивнул, негласно обещая, что разговор непременно состоится. Милен хотел еще что-то сказать, но передумал, побоявшись, видимо, сболтнуть лишнего. Он зачесал назад пятерней волосы, обогнул стол и направился к двери, умудрившись не задеть Чернова в этой тесной даже для одного человека каморке. Казалось, стены сами подталкивали их скорее выбраться наружу.

Ученый снял с крючков каски, одну — молча передал агенту, вторую — надел сам и вышел в коридор.

— Я расскажу то, что услышал от рабочих, когда приехал сюда, — сказал Милен, даже не оборачиваясь, уверенный, что Герман следует за ним. — Второго июля в 4:30 утра на горячую линию аварийной службы поступил звонок. Обратился мужчина. Живет в этом доме на втором этаже. Водитель трамвая вроде. Он собирался на работу. Включил кран, чтобы умыться, а вместо воды посыпался песок.

Чернов с выражением сосредоточенности на лице внимал каждому слову. Они шли по длинному коридору, лампы под потолком потрескивали, и свет в них дрожал, оставляя на стенах густые провалы подвижной тени. В конце открывалась лестница вниз: довольно длинная и крутая.

Вербицкий начал спускаться первым. Герман шел за ним, слыша, как эхо гулко множит каждый их шаг. На середине пролета снизу повеяло прохладой, сыростью, будто из пещеры.

— Служба среагировала быстро, — продолжал, тем временем, Милен. — Приехали, спустились сюда, а тут… это…

Он ловко спрыгнул с последней ступени и вышел в основное помещение подвала. Герман остановился рядом с ним и вперился нечитаемым взглядом туда, куда указал ученый.

Посередине подвала из земли вырастала стена: чужая, как заноза, вонзившаяся в живую плоть дома, черная, как застывшая тьма, но при свете фонарей камень то и дело вспыхивал бледными жилками, словно под истончившейся черной плотью просвечивал скелет из костей. Стена рассекала пространство пополам, будто живое тело чужеродным шрамом, разделяя мир на привычный и непостижимый. Небольшой кусок вверху врезался в потолок, остальная стена – полуразрушенная, тянулась наперерез, полностью преграждая путь в другой конец подвала, как препятствие, выросшее из глубин самого ада: темное, чуждое.

— Когда эта штуковина была построена? – первым делом спросил Чернов, настороженно рассматривая остатки монументального сооружения.

Именно в этот момент он заметил кружевной орнамент над громоздким обрамлением, то ли портал двери, уходящий под землю, то ли окна причудливо-изогнутой формы в виде трилистника. Такие кружева он уже видел раньше.

— Ты, как всегда, ухватил саму суть проблемы, — невесело усмехнулся Милен. — Экспертиза установила, что возраст этих фрагментов от сорока трех до сорока семи тысяч лет.

— А кружева? — голос агента окрасился непривычной хрипотцой.

— Само собой, ты не мог их не узнать, — спокойно произнес ученый. — Это письменность приангарских великанов.

Конечно же. Калеофрэйи оставались таковыми только между Германом и Миленом. Остальной мир, не имевший доступа к рукописям Ведагора, прозвал их «приангарскими великанами», над расшифровкой письменности которых до сих пор безуспешно бились самые именитые филологи современности.

Герман протер ладонью лицо и протяжно выдохнул, усмиряя заметавшиеся в голове мысли. Он понимал: перед ним не какая-то городская легенда и не просто руины былой роскоши. Это было вторжение прошлого в настоящее, вызов самому представлению о времени. Здесь, в подвале современного дома, это древнее сооружение выглядело так, будто чужая эпоха прорвалась в настоящее, пробила саму ткань реальности.

На миг сознание окатила ледяная волна, такая же, как тогда на Черном озере, растерянность, почти трепет, ведь он вновь стоит перед чем-то, что превосходит и его опыт, и его подготовку. Но Герман знал, что нельзя позволять эмоциям захлестнуть разум, поэтому привычно запер их глубже, оставив на поверхности холодный расчет и спокойствие, хоть и шаткое из-за величия увиденного.

Вербицкий внимательно следил за его реакцией, выбрав единственно верную в этой ситуации тактику: не вывалить разом все факты и свои домыслы о случившемся, а отвечать только на те вопросы, которые задает агент, и за ответы на которые тому не придется потом объясняться с руководством. Чернов в очередной раз убедился в том, что ему крупно повезло оказаться в одной лодке с надежным и, главное, умным Миленом.

Они обменялись взглядами: почти обреченными, как люди, невольно объединенные общей тягостной тайной. Для Германа она до этого момента была лишь отголоском давно прошедших событий, но по глазам Милена становилось понятно, что сам он проживал последние четыре года нос к носу с этой тайной, и в одиночку разбирался с ее последствиями. Это заставило Чернова почувствовать укол совести.

— Выглядит все это как одна большая проблема, — изрек он, наконец, и то, только потому что нужно было сказать хоть что-то.

Милен очень красноречиво фыркнул.

Окончательно совладав с собой, Чернов снова перевел взгляд на стену. Несмотря на монументальность, время изуродовало ее, исполосовав трещинами и выбоинами.

Он медленно приблизился, скользя глазами по коммуникациям дома. Трубы и кабели вплавились в древний камень, как корни в плоть чужого существа, но не подчинили его себе, а напротив, выглядели захваченными, затянутыми в его ткань. Современность здесь казалась бессильной: все новое выглядело хрупкой надстройкой над чем-то куда более древним, мощным и вечным.

— Я слышал в новостях, что проблемы здесь не только с водоснабжением, но и с электричеством, — произнес Герман. — Не слышу шума генераторов. Откуда свет?

— На самом деле, проблемы тут только с водоснабжением, — прокомментировал Милен и приблизился к агенту. — Остальные коммуникации отключили по указке властей, чтобы ускорить эвакуацию населения. Задача, чтобы об этом, — он кивком указал на стену, — не прознал народ, во избежание паники.

— А оцепленный полицией район никого в панику не ввергает? – усмехнулся Герман.

— По официальной версии район оцепили, чтобы исключить случаи мародерства, пока службы устраняют последствия аварии.

— Я так понимаю, это не единственный подвал, где прорезалась такая хренотень?

— Не единственный, — кивнул Милен. — Просто здесь самые внушительные последствия вторжения. Еще похожая картина наблюдается в семнадцати других подвалах в округе, но там больше каменные завалы. По предварительным исследованиям древнее селение занимает весь этот жилой район и тянется дальше на восток за пределы города.

— Такая большая площадь поражения, и никто из горожан не успел этого увидеть? — искренне удивился Герман.

— Говорю же, службы приехали сюда очень рано, люди еще спали. А когда проснулись, то к тому времени все подвалы в этом районе уже были запечатаны экстренно собранной комиссией.

— Ладно, — вздохнул Чернов, потерев переносицу. — Допустим. А что случилось, в итоге, с водопроводом? Откуда песок вместо воды?

— Как я понял из документов, забор воды для водоснабжения осуществлялся здесь из подземных вод, — пояснил ученый, помялся немного, подбирая слова, затем продолжил: — Ну так было… до… вторжения. Но… в каком-то неизведанном прошлом… памятники которого прорезались в нашу реальность несколько дней назад, течение этих подземных вод принудительно изменили. Очевидно, это дело рук жителей древнего города.

Герман помолчал немного, упорядочивая в голове информацию, и несколько раз стукнул носком кроссовка по стене. На том месте камень посветлел.

— Что за порода? — спросил он, присев на корточки.

— Известняк, — сразу же отреагировал Милен. — Не местный, привозной. Вообще, строение изначально было светлое, но за тысячелетия почернело от пыли и… гари. Поэтому так устрашающе выглядит.

— Гари? — ухватился за мысль Чернов и глянув снизу верх на ученого. — Этот город сгорел?

— Пока не установлены причины разрушений, — пожал плечами Милен и спрятал руки в карманах брюк. — Но… судя по каменным завалам, этот город могло постичь то же несчастье, что и цивилизацию в Приангарье.

Герман медленно выпрямился, пытаясь припомнить из новостных сводок, к какому заключению по этому вопросу пришли, в итоге, ученые. Вроде основной версией оставалось землетрясение, как отмечал в своих ранних докладах Вербицкий, но Герман решил не акцентировать на этом внимание.

Взгляд его пополз выше, там, где чужеродная стена пробила потолок.

— А там что? — спросил он озадаченно, почесав затылок.

— Нежилое помещение, — ответил Милен, тоже задрав голову. — Сдавалось в аренду. Долгое время там был стоматологический кабинет, но месяца три назад они съехали. Других желающих арендовать это помещение не нашлось, так и стоит, закрытое. Собственники вообще в другой стране проживают.

— Понятно, — выдохнул Герман, — удивительное, конечно, везение, что этого всего не увидел ни один случайный человек.

Вербицкий согласно покивал.

На какое-то время они замолчали. Чернов медленно прошелся вдоль стены, изучая ее досконально. Особенно долго он рассматривал знакомые кружева, проступающие на камне, как проступают выпуклости барельефа на поверхности черной воды. Он чувствовал на себе напряженный взгляд ученого, который, видимо, с волнением ждал следующих вопросов.

Обернувшись к нему, Герман спросил:

— Есть идеи… что это все… значит?

Милен сглотнул и, вытащив руки из карманов, сложил их на груди:

— Казалось бы, самое адекватное объяснение этому всему, что шестьдесят тысяч лет назад цивилизация «приангарских великанов» погибла не вся. Кому-то удалось спастись. И вот их потомки через двадцать тысяч лет осели на этих землях и основали новый город. Но есть нюансы… Верхогорье строили в пустыне, а не на руинах прежней цивилизации. Руины образовались тут за одну ночь.

— Какие вообще существуют предположения, что могло случиться? – Чернов осторожно провел рукой по стене. На подушечках пальцев осталась грязь.

Милен, внимательно наблюдавший за его действиями, ответил тихо:

— Кто-то скромно называет это «сбоем в матрице». Другие считают, что… как-то так должно выглядеть столкновение параллельных миров.

— А ты как считаешь?

Герман прямо посмотрел на Вербицкого и поджал губу, ожидая ответа. Тот набрал в легкие воздух, как обычно делал, когда собирался выдать длинный монолог. Но вместо ответа медленно выдохнул, взгляд его остановился где-то в районе плеча собеседника и сделался неподвижным. Когда пауза стала казаться слишком затянутой, он, наконец, глухо ответил:

— Мое мнение тут неуместно, Герман. Я не знаю, как объяснить произошедшее. Этим должны заниматься специалисты, компетентные люди. Я же могу поделиться только своими ощущениями.

— Поделись, — попросил Чернов.

Милен вновь выдержал выразительную паузу, прежде чем произнести тихо, почти шепотом:

— Ощущение, словно им дали второй шанс на возрождение.

— Кто? — напористо уточнил Герман.

— Наверное, тот… кто умеет управлять временем.

Глава 2

За стеной открывался провал: в дальней неосвещенной зоне казалось будто строение лишилось фундамента и часть его рухнула в бездну. Герман опустил взгляд. Внизу чернели груды камней, пересеченные настилами и металлическими лестницами. Узкие полосы света от прожекторов выхватывали из мрака куски завалов, словно кто-то осторожно приоткрывал завесу древней тайны. Там, где лучи не доставали, сгущалась тьма: вязкая, как дым после пожара, в которой угадывались смутные очертания обломков.

Первое, что ощутил Герман — запах, тяжелый, пропитанный пылью. Сырость камня мешалась с тяжелым духом машинного масла и прогорклой солярки. Под ногами поскрипывали неуверенно сбитые настилы, ведущие вниз, туда, где мерцал свет фонарей и поблескивали стальные тросы.

Он спускался медленно, на ходу отмечая взглядом хаос: целые горы каменных плит, сложенных одна на другую, словно какая-то чудовищная сила бросала их, как кости на игральный стол. Между ними торчали ржавые прутья арматуры и оборванные тросы, напоминавшие сухожилия гигантского тела.

Чернов продолжал двигаться вглубь. Свет его фонаря выхватывал из тьмы странные фрагменты: колонну с выщербленным орнаментом, часть декоративной отделки с изящными линиями, похожая на очертания огромного человеческого лица. За ним темнел фрагмент арки с плавным, почти органическим изгибом, напоминающим ребро гигантского существа. Рядом на одной из плит виднелись загадочные вмятины, как будто следы пальцев, застывших в камне. Все поверхности были покрыты тонким слоем песка, подобно мерцающей в свете фонарей вуали, украшенной веерообразными следами щеток, коими счищали песок.

Он задержал свет на одном из каменных блоков. На его поверхности можно было рассмотреть рисунок, или скорее даже схему, с очень сложной, пугающе выверенной геометрией, словно футуристический чертеж советского фантаста, вдохновленного звездами, но не с добрым посылом, а напротив, выглядевший, как тайник с зашифрованным в нем злым намерением. Вокруг этой схемы свет фонаря выхватывал то странные углубления, похожие на раковины, то узоры, напоминавшие срез спирали ДНК, как если бы некто пытался закодировать здесь само устройство жизни.

Герман перевел взгляд на Милена.

Тот стоял чуть в стороне в желтоватом свете прожектора, направленного с подъемного крана. Свет отсекал его фигуру от мрака, рисуя контур человека, пришедшего из другого времени в этот разрушенный мир — мир, застывший в далеком прошлом. Разглядеть выражение его лица Герман не смог. Когда их взгляды пересеклись, ученый произнес:

— Завалы недавно начали разбирать. Много времени ушло на то, чтобы расчистить песок и пронести сюда технику. Ее здесь по частям собирали. Полагаю, под завалами нас ждет немало сюрпризов.

— Например? — тихо спросил Герман и шагнул к нему.

Милен чуть усмехнулся уголком губ, но в глазах мелькнуло напряжение, выдававшее, что готовился он явно к неприятным сюрпризам. Правда вслух о своих опасениях говорить не стал, помня о прослушке, поэтому ограничился малосодержательной репликой:

— Если повезет — артефакты, фрагменты архитектуры, может быть, предметы культа. А если нет… просто еще сотни тонн камня.

— Есть версии, для чего предназначалось это здание? — спросил Чернов, подойдя к нему еще ближе.

Милен пожал плечами, его взгляд с холодным вниманием скользнул по развалинам, после чего вновь остановился на Германе.

— С выводами мы не торопимся. Одно ясно, строение было непростое. Это видно по богатой декоративной отделке: фрески, лепнина, барельефы. Такое не возводят для жилья или склада.

— Храм? — предположил Герман.

Милен немного подумал, прежде чем ответить:

— Не знаю. С одной стороны, похоже, с другой… есть в нем что-то… несоразмерное даже культовому сооружению.

Он замолчал на секунду и добавил уже тише:

— Мы почти ничего не знаем об их обществе. Ни об укладе, ни о принципах градостроительства. Только догадки. А догадки, согласись, скользкая почва, особенно когда речь идет о цивилизации, которой не должно было быть.

Повисла напряженная пауза. Лишь вдалеке слышался слабый треск электрических ламп.

— … которой не должно было быть… — эхом повторил Герман и поджал губы.

В этом странном месте, где каждый обломок казался призраком прошлого, в этом колючем полумраке, скрывающем остатки погибшего мира, он не смог разобрать, послышался ли ему в голосе ученого упрек, или нет.

Вздохнув, он повел лучом фонаря по дальним зонам, там, где едва вырисовывался проем в другое помещение.

— А там что?

— Туда пока не добрались с разведкой, — ответил Вербицкий. — Большие перепады по высоте, небезопасно даже со страховкой. Нужно строить леса. Если честно, работы так много, что мы до сих пор не пришли к единому мнению, с чего начинать это все разгребать.

— Понятно, — протянул Герман и глянул на ученого. — Есть еще что-то, что ты хотел бы мне показать?

— Определенно есть, — сдержанно кивнул Милен. — Но для этого нам нужно выехать из города. Не знаю, как на это отреагирует Максим Андреевич.

Чернов хмыкнул:

— Этого хлыща я беру на себя, — и, окинув последним взглядом завалы, бодро улыбнулся ученому. — Пойдем отсюда, дружище.

***

Когда они выбрались наружу, их словно окатило раскаленным воздухом. После прохлады подвала июльская жара показалась почти враждебной, пахло нагретым асфальтом и чем-то сладковато-тухлым из мусорных баков. Солнце било в глаза, и все вокруг выглядело нелепо обыденно: те же типовые панельные дома, детская площадка, старые деревянные скамейки у подъездов, исписанные подростками всякой ерундой. И трудно было поверить, что прямо под этим двором скрывались руины, старше всех известных цивилизаций.

Милен взъерошил волосы, щурясь от яркого солнечного света:

— Сколько ни спускаюсь туда, каждый раз ощущение, будто возвращаюсь оттуда уже другим человеком, — и с удовольствием втянул воздух полной грудью.

— Да, — откликнулся Герман, нацепив солнечные очки. — Угрюмое местечко.

Они неторопливо сошли по ступеням. Невдалеке возле полевой кухни важничал Дыбин, раздавая распоряжения собравшимся вокруг него рабочим. Сейчас он особенно напоминал напыщенного индюка. Герман подавил глухое раздражение и перевел взгляд на Милена:

— Предлагаю по дороге заехать куда-нибудь дернуть по кофейку, для бодрости.

Ученый отрицательно качнул головой:

— Я — пас. Вынужден себя ограничивать. Сон и без того ни к черту.

— Археолог без кофе — это нонсенс, — усмехнулся Герман.

— Две кружки в неделю — мой предел, — с деланной серьезностью ответил Милен. — И, боюсь, недельный запас уже исчерпан.

— Теперь понятно, чего у тебя такое лицо кислое, — заметил Герман с улыбкой, хотя в глазах было больше наблюдательности, чем веселья.

Вербицкий фыркнул, но все же вернул улыбку.

Тем временем, Дыбин закончил свои кривляния.

— Ну все, орлы! За работу!

Рабочие без энтузиазма потянулись к подъезду. Одного из них Милен задержал:

— Сашка, на минуту, — и отвел его в сторону.

Герман воспользовался моментом и направился прямиком к Дыбину.

— Максим, — произнес он ровно, с вежливым холодком, — Вербицкого я забираю. У нас есть дела вне города.

Дыбин прищурился:

— Вне города? У нас график горит. Я своих людей не раздаю.

Герман снял очки и чуть склонил голову, сохраняя безмятежный вид, хотя его весьма покоробило, что тот считал Милена «своим человеком». Стало даже любопытно, что же такого натворил ученый, что его понизили в должности и закрепили за этим самодуром.

— Мне кажется, — произнес Чернов вкрадчиво, — вы не вполне понимаете, кто именно утвердил этот выезд.

В глазах Дыбина мелькнула злая искра, но он промолчал. Герман продолжил тем же ровным тоном:

— Впрочем, если у вас есть желание обсудить это на другом уровне, я могу поспособствовать.

Секунда тишины растянулась, как тугая струна. Дыбин выдохнул через нос и резко отвел взгляд.

— Делайте, как знаете, — процедил он и двинулся в сторону подъезда. Проходя мимо Милена, нарочно задел его плечом.

Тот дернулся по инерции, проводил начальника взглядом и, как ни в чем ни бывало, улыбнулся Герману, словно привык к таким выпадам. Чернов хмыкнул, крайне недовольный поведением Дыбина, и кивком указал ученому на свой автомобиль, припаркованный у въезда во двор.

То, что в салоне было, как в аду, он понял еще, когда металлическая ручка двери обожгла ладонь. Изнутри дохнуло раскаленным воздухом, пропитанным запахом нагретой кожи и сандаловым ароматизатором.

— Пресвятые силы небесные… — пробормотал Герман, усаживаясь за руль.

Он повернул ключ в замке зажигания, и двигатель откликнулся привычным приглушенным рычанием, ровным и будто немного раздраженным, как у кота, чей сладкий полуденный сон прервал хозяин. Пассажирская дверь открылась, ученый заглянул в салон и поморщился.

— Добро пожаловать в геенну огненную, — усмехнулся Чернов, поймав его взгляд, и тихонько щелкнул тумблер, включая кондиционер. — Давай переждем в тени минут десять, пока машина остынет, иначе тут можно тепловой удар схватить.

— Давай! — охотно согласился ученый. — Попробую раздобыть нам чего-нибудь холодного попить, — и захлопнул дверцу.

Герман переставил автомобиль в тень. Достал телефон, подержал в руке, взвешивая решение — оставить ли его здесь, чтобы переговорить, наконец, с Миленом без посторонних «ушей». Но решил все же отложить откровенный разговор до более подходящего случая и спрятал телефон обратно в карман.

Чуть позже оба стояли в тени молодой березы. Чернов курил, прислонившись спиной к тонкому стволу дерева. Он неторопливо запивал сигарету приторным, но холодным лимонадом и беспечно смотрел вдаль, делая вид, что не замечает изучающих взглядов ученого, которые

тот бросал украдкой. Когда Вербицкий отвлекался на шумы, доносившиеся из подвала, Герман тоже его изучал, пытаясь понять, что же еще в нем изменилось.

— Слышал от рабочих, что ты проспал обед, — решил он первым нарушить молчание. — Старые дурные привычки, Милен?

Ученый красноречиво посмотрел на сигарету в его руке и саркастично изогнул брови. Агент весело хмыкнул и сделал очередную затяжку.

— Такая жара, — пробормотал Вербицкий, — кусок в горло не лезет. Еще эти кошмары подвальные… тоже аппетита не добавляют.

— Ладно, черт с ней с жарой и с подвалом, — вздохнул Герман, и небрежно стряхнул пепел. — Рассказывай, что эта за важная птица ваш Дыбин?

Милен повел бровью и в три глотка осушил стакан с лимонадом. Несколько секунд он собирался с мыслями, потом заговорил:

— Первоклассный специалист в своем деле, хорошо проявил себя на раскопках в Приангарье, вот ему и доверили руководство на этом объекте, — он с хрустом смял в руке стаканчик и посмотрел собеседнику прямо в глаза. — Тебе, наверное, будет интересно… он был в числе тех пассажиров самолета, который исчез на месяц.

Герман медленно кивнул, не скрывая удивления. Ученый продолжил:

— После того случая характер у него перекосило. Насколько известно мать его тогда умерла от инсульта, не справилась с утратой… ну как она думала — с утратой. Он тяжело это пережил. С женой развелся. В общем, весь ушел в работу. И еще эта история с самолетом: он зацепился за нее мертвой хваткой и до сих пор пытается понять, что же произошло.

— Да, громкая была история, — Чернов затушил окурок в стакане с недопитым лимонадом. — А как остальные пассажиры того рейса поживают, известно?

— Понятия не имею. Можешь у Дыбина выспросить. Он как раз из их тусовки.

Герман кивнул, едва удержав на лице невозмутимое выражение, но, кажется, Милен уловил перемену в его настроении и понятливо улыбнулся.

— Тебе бы лучше наладить с ним контакт. Он может стать серьезной преградой в твоем журналистком деле.

— Не переживай, — равнодушно бросил Герман. — Я сюда не по своей прихоти приехал, за мной стоят заинтересованные в произошедшем люди... влиятельные люди. Дыбину придется сотрудничать.

Улыбка на лице Милена померкла, и он отвернулся:

— Что ж, очевидно, что сюда не прислали бы обычных зевак пофотографировать, — затем откашлялся и бросил сухо: — Так что? В путь?

Чернов уставился на него с прищуром, но Милен избегал прямого зрительного контакта. Герман вздохнул:

— В путь, дружище.

Оцепленную зону они миновали быстро, на КПП их даже не остановили. Милен проложил маршрут в навигаторе. Конечная точка, как он и говорил, лежала за городом, на востоке.

— Что это за место вообще? — спросил Герман, выруливая на главную дорогу, и коротко мигнул фарами водителю, уступившему им полосу.

— Карьер по добыче мергеля, — ответил Вербицкий, откинувшись на спинку кресла.

Стоило им оставить позади нежилой квартал с его серыми коробками и пустыми окнами, как ученый заметно расслабился, лицо его утратило угрюмость и напряжение.

Несмотря на то, что часы показывали только начало четвертого дня, дороги были переполнены. Солнце, наконец, сошло с вершины неба, и начало свое неторопливое путешествие в сторону горизонта, но до желанной прохлады было еще очень далеко. Воздух стоял густой, пропитанный бензином и пылью; гудки, скрежет тормозов и глухое рычание моторов пробивались даже сквозь плотно закрытые окна. Ближе к выезду из города они минут на двадцать

застряли в пробке, пропуская длинную вереницу вагонов, груженных песком; те тянулись медленно, будто нарочно испытывая терпение водителей.

Говорили много, но по-настоящему важного не касались. Герман ждал неудобных вопросов по поводу своего длительного отсутствия, но Вербицкий обходил эту тему стороной. Возможно, обдумывал, как безопасно к ней подступиться. Вместо этого, он пространно рассуждал о подвальных находках, заполняя паузы так ловко, будто боялся оставить в разговоре хоть малейшую щель. Чернов, в свою очередь, ненавязчиво выведал, в какой гостинице разместили археологов, и предложил вечером заглянуть в бар. Милен охотно согласился, и разговор незаметно свернул к питейным заведениям Верхогорья.

Увлекшись этой незатейливой игрой, Вербицкий быстро перешел от баров к достопримечательностям и истории Верхогорья, будто вознамерился утомить своими рассказами не столько Германа, сколько тех, кто мог незримо прислушиваться к их разговору. Герман находил это забавным и всячески подыгрывал Вербицкому, но не расслаблялся ни на секунду, помня о своей миссии.

Город остался позади. Машина вырвалась на трассу, огибающую каменистый утес, и за поворотом открылся вид на низину. В выжженной солнцем степи темнел карьер, похожий на каменную воронку: внизу суетились крошечные человеческие фигурки, рядом топорщились палатки, а чуть поодаль, словно забытый реквизит, неподвижно замер эскалатор.

В километре от карьера их остановили постовые. Вербицкого узнали сразу, а Герману пришлось предъявить разрешение на въезд на закрытую территорию. Бумаги изучали без спешки, под палящим солнцем, прежде чем наконец вернуть документы.

Покончив с формальностями, они добрались до места. Чернов заглушил мотор и взглянул на посерьезневшего ученого.

— Ну показывай, что тут приключилось.

Тот невесело хмыкнул:

— Пойдем.

Снаружи их встретил рабочий, молодой парень, долговязый, с открытой, почти мальчишеской улыбкой. Его каска была припорошена желтовато-серой пылью, въевшейся в ткань и кожу. Завидев Милена, он обрадовался:

— Привет! Вот так сюрприз. Не ждали тебя сегодня.

— Привет, Игорек, — Вербицкий пожал ему руку. — Внеплановый визит. Зови начальство.

Игорек настороженно оглядел Германа, словно пытаясь угадать, к какой категории «чужаков» его отнести, после чего ловко спрыгнул в траншею и скрылся за углом. Милен направился к хлипкой деревянной лесенке неподалеку, жестом увлекая за собой агента.

— История схожа с тем, что произошло в подвалах города, — проронил он, спустившись в траншею.

Его голос тонул в гомоне рабочих, глухом стуке отбойников и звуках осыпающегося камня. Чернов следовал за ним по пятам и уже начал замечать холодящие душу детали.

— Как я говорил, здесь мергель добывают. Второго июля бригада рабочих рано утром, как и всегда, прибыла на смену… и обнаружила странное.

Действительно странно было видеть выступающие из слоистого камня фрагменты скелетов: где-то мизинец, где-то колено. В одном месте из стены выглядывала потемневшая металлическая пластина, обросшая налетом, словно часть доспеха, пережившего не одну сотню лет.

— Нужно ли упоминать, что днем раньше ничего… этого, — ученый ткнул пальцем в огромные человеческие ребра, выпирающие из камня, — здесь не было?

Ответа не последовало. Впрочем, Милен и не ждал его. Герман неторопливо продвигался вслед за ним вдоль траншеи, рассматривая ступенчато срезанные каменные стены. Породы

залегали слоями, как страницы древней книги: светло-кремовые, охристые, бурые и темно-серые, почти черные — следы разных эпох, спрессованные временем.

Взгляд зацепился за фрагмент черепа: из стены выступала его височная часть и глазница. Герман медленно выдохнул и наклонился, чтобы лучше рассмотреть останки великана. Он осторожно коснулся черепа кончиками пальцев и провел выше, к месту, где кость уходила в камень. Порода тут же осыпалась, не выдержав даже легкого прикосновения, словно только и ждала возможности расстаться со своей тайной.

— Кого я вижу, — вдруг отчетливо раздалось за спиной.

Чернов выпрямился и резко обернулся. Перед ним стояла Лада. Она почти не изменилась с последней встречи в Приангарье: та же кучерявая копна огненно-рыжих волос, небрежно собранных на макушке, те же стрелки на глазах и ровная осанка. Только теперь ее яркий образ дополнял бронзовый загар и чуть заметные первые морщины в уголках глаз, когда она с доброй иронией улыбнулась при виде замешательства на лице Германа.

— Лада, — пробормотал тот растеряно. — Привет! Выглядишь, как всегда, феноменально.

— А ты, как всегда, феноменально внезапен. Сваливаешься из ниоткуда, словно снег на голову.

— И исчезает так же внезапно, — саркастично заметил Милен, с удовлетворением глядя на загнанного в угол агента.

— Совесть не мучает, Чернов? — Лада склонила голову в бок, но несмотря на строгий тон, в ее взгляде не было холода, только мягкий укор.

Герман не предполагал, что придется объясняться с ними двумя, да еще и в этом месте, среди вскрытых костей великанов. Зато становилось понятно, отчего Милен медлил с неудобными вопросами. Видимо, рассчитывал, что Лада с ее стальным характером успешнее справится.

— Отчего же не мучает? — Чернов посмотрел с виноватой улыбкой сначала на нее, потом на Вербицкого. — Мучает. Но так уж обстоятельства сложились. В командировке потерял телефон со всеми контактами.

Лада хмыкнула, Милен выразительно закатил глаза.

— Хотел сначала восстановить номер, — продолжил Герман, сделав вид, что не замечает их реакцию. — Но… я все равно собирался его менять. Чертов спам замучил. В итоге, не стал восстанавливать. Тем более, большинство контактов у меня сохранились на старом телефоне, правда… я не подумал о том, что новые контакты не смогут со мной связаться.

— Для этого и существуют соцсети, — справедливо заметила Лада.

Герман скривился:

— Скорее рак на горе свистнет, чем я полезу в эти дебри, — и поспешил сменить тему: — Вообще, я собирался искать вас в Приангарье. Но, сами понимаете, вечно возникали какие-то неотложные дела, плюс работа… приходилось постоянно откладывать поездку. Но, к счастью, встреча оказалась неизбежна. И вот я тут.

— Да-да, и снова по заданию, а не по зову сердца.

— Сюда иначе не попадешь, — Герман пожал плечами. — Случайному человеку даже зов сердца не поможет прорваться через оцепление, — затем наигранно нахмурился: — Ты меня даже не обнимешь?

Лада обняла, посмеиваясь.

Чернов чувствовал, что никто из них двоих не поверил его словам. Особенно Милен. Агент цепко удерживал его хмурый взгляд все то недолгое время, что длились объятья с Ладой.

— Рада тебя видеть, Герман, — теперь ее голос звучал с привычной теплотой. Она отстранилась, разорвав объятья, и отступила на шаг. — Не пропадай больше, ладно?

— Постараюсь. Но с моим образом жизни ничего гарантировать не могу.

Эти слова были адресованы в большей степени Вербицкому. В Приангарье тому могло показаться, что между ними завязалась дружба, и Герман решил сразу обозначить границы. Лада усмехнулась так, словно ожидала услышать от него нечто подобное, а вот Милен заметно поник.

— Ладно, пропустим лирику. Давайте, к делу, — Герман моментально принял собранный вид, возвращая себе контроль над ситуацией. — Рассказывайте, что тут происходит?

Ученые переглянулись.

Слово взяла Лада.

— Еще сорок тысяч лет назад здесь был пресный водоем. По сути, мы тут наблюдаем ту же картину, что и на Черном озере. Разница только в датировке останков. Эти захоронения более свежие, чем в Приангарье. Пока самым ранним найденным здесь - пятьдесят тысяч лет, самым поздним – сорок восемь тысяч. Сохранность разная. Пойдем.

Она повела гостей туда, откуда доносились шумы.

— Мергель — это осадочная порода, в составе, в основном, глина и карбонат, остальное — самые различные нерастворимые примеси. Тут собрана практически вся таблица Менделеева. Ты сам можешь видеть по цвету слоев, что порода неоднородная по составу, поэтому останки где-то хорошо сохранились, законсервировавшись, а где-то истлели из-за химической реакции с микроэлементами. И в таких местах мы обнаруживаем лишь пустоты на месте скелетов.

— Что это вообще за место было? — сипло спросил Герман и прочистил горло. Упоминание Черного озера царапнуло нерв.

Лада немного ушла вперед, а Милен шел с ним бок о бок. На миг они встретились взглядами и Герман буквально кожей ощутил исходившее от него напряжение.

— Хороший вопрос, — хмыкнула Лада и обернулась. — Первое, что приходит на ум — поле битвы, да? Точнее битва могла состояться неподалеку. А после… погибших скинули в водоем, чтобы не оставлять их гнить на солнце.

— Звучит складно, — пожал плечами Чернов и снова глянул на отмалчивающегося ученого, но тот смотрел в сторону.

— Не тут-то было, — усмехнулась Лада.

Они вышли из траншеи на открытую зону, где рабочие под предводительством археологов вскрывали пласты мергеля. На сероватом фоне камня белели скелеты великанов.

— Здесь так же, как и на Черном озере, найдены останки и мужчин, и женщин, и детей и стариков. Да, мы находим великанов в доспехах, скорее всего они были воинами, но, очевидно, есть представители и других социальных структур древнего государства. Если обратить внимание на положение останков, то видно, что все они лежат на спине, но в разных направлениях, и буквально друг на друге.

— В Приангарье так же? — поинтересовался Герман.

— Почти, — произнесла Лада и вздохнула, окинув взглядом фронт работ. — В глубинных слоях, да, так же. А на поверхности ситуация другая. Исследования в Приангарье показывают странные результаты. Будто великаны долгое время гнили в вертикальном положении. Как будто под водой их подвесили. А потом… что-то произошло… и они посыпались с высоты своего роста, образуя хаотичную груду из скелетов и доспехов. Как это возможно, никто не понимает.

Герман отлично помнил, что тогда произошло на Черном озере. На лицо его набежала тень, а перед глазами возникла сцена четырехлетней давности, отчетливо, словно это случилось только вчера.

Он помнил целый легион стражников, неподвижно ожидавших свою богиню на дне озера. И помнил, как они посыпались при ее появлении, словно освободились от древнего прокля-

тья. Тогда он думал, что это конец истории, и только Милен чувствовал, что на самом деле, вызволив пленных, они открыли ящик Пандоры.

Лада тем временем перевела взгляд на Чернова и, немного подумав, подытожила:

— Мы с коллегами предполагаем, что у великанов был необычный обряд погребения. Усопших могли опускать на дно водоема. Таким образом, и здесь и в Приангарье мы имеем дело с древним кладбищем.

Глава 3

В палатке археологов было почти так же жарко, как снаружи, но хотя бы циркулировал воздух, благодаря работающим вентиляторам. Пространства было много, но его скрадывали нагромождения походной мебели и оборудования. Разделения по зонам — условные, без перегородок — говорили о том, что помещение это совмещало много функций.

В одном углу стояли складные столы, заставленные ящиками с маркировкой, пластиковыми контейнерами и открытыми лотками. Там, на серых подложках, покоились фрагменты костей: слишком крупные, чтобы быть человеческими. Длинные, с непривычными пропорциями, они выглядели не просто старыми, они были чуждыми современному человеку, будто принадлежали существам, жившим по иным законам, в ином масштабе мира.

Рядом — мини-лаборатория: портативный микроскоп, лампы с холодным, почти хирургическим светом, штативы, аккуратно разложенные инструменты. Все выглядело временным, собранным на скорую руку, но с той строгой логикой, которая выдает профессионалов. Археологи умели превращать любой клочок земли в рабочее пространство.

Ближе к центру палатки стояли походные кресла, кулер и невысокий стеллаж с книгами и документами, нижнюю полку которого занимал ящик с медикаментами. Здесь, вероятно, отдыхали и дискутировали о находках.

На этих креслах и разместились. Но прежде Лада каждому вручила по стакану воды.

— Теплая, — вслух отметил Герман.

— Да, — кивнула Лада, присаживаясь напротив гостей. — Холодная только усилит жажду. Организм и так на пределе.

Милен молча сделал глоток, словно подтверждая ее правоту.

Несколько секунд ученые сидели молча, давая Чернову время осмыслить увиденное в карьере.

— Значит, кладбище, — наконец произнес он и бросил короткий взгляд на Вербицкого. Тот почему-то предпочел остаться в тени, словно сознательно отстранился от разговора.

— Это просто версия, — произнесла Лада, откинувшись на спинку кресла. Она легко закинула ногу на ногу и улыбнулась, рассматривая Германа. — Основная, но все же версия. Хотя в ее пользу говорят и другие находки здесь и… на Черном озере.

— Интересно, — Герман подался к ней корпусом, уперев локти в колени.

— Рядом с костями мы находили фрагменты материи, — продолжила Лада. — Сначала приняли за остатки геотекстиля или современный мусор, но структура не совпадает. Это не ткань в привычном смысле, а нечто подвижное и очень прочное, вроде гипса, но не совсем...

— Дай-ка угадаю, ею обматывали тела перед погребением? Как мумии в Древнем Египте? — Герман не скрывал искреннего интереса.

— Верно, — Лада чуть помедлила, прежде чем продолжить: — Но есть разница. Египтяне стремились законсервировать тело. Великаны — нет. И вот это самое любопытное. На материи сохранились следы пигмента, остатки краски.

— Рисунки?

— Или тексты, — ответила Лада. — Мы пока не можем сказать точно. Но расположение пятен слишком упорядоченное, чтобы быть случайным. Либо орнамент, либо символы. Возможно, сакральные. Материя могла служить не просто оболочкой, а пропуском… в мир мертвых.

— Могу взглянуть?

Лада отрицательно качнула головой:

— Все образцы уже отправлены в институт. Но мы находим такие фрагменты регулярно. Думаю, шанс еще будет. Пока могу предложить только снимки.

— Было бы неплохо, — отозвался Герман.

Лада уже начала привставать с кресла, но вдруг замерла и решительно опустилась обратно.

— Давай-ка для начала проясним кое-что, — произнесла она. Взгляд ее стал внимательнее, собраннее. — Объект засекречен. Нас подписали под такими бумагами, что страшно дышать. И при этом… журналист?

Она смотрела на Германа прямо, без враждебности, скорее с искренним недоумением.

— Звучит странно, да, — спокойно ответил он. — Но только если представлять журналиста как человека с камерой и заголовком наготове.

— В Приангарье ты был именно таким, — заметила собеседница. — Сменил квалификацию?

Рядом напрягся Милен. Герман уловил это боковым зрением и едва заметно улыбнулся.

— Не буду скрывать, что после событий на Черном озере моя карьера пошла в гору. Мне просто повезло, я был замечен. Мне предоставился шанс, я за него крепко ухватился. И вот я снова с вами, но уже немного в другом качестве.

— В каком? — тихо уточнила Лада.

— Я — из тех, кого присылают до того, как решат, что именно можно сказать вслух.

Герман сделал паузу, позволяя словам лечь так, как нужно.

Лада нахмурилась.

— То есть ты здесь не для статьи?

— Для текста, — поправил он. — Но не обязательно для публикации.

Снова воцарилась тишина. Лада обдумывала ответы Германа, а Милен упорно отмалчивался с нечитаемым выражением лица.

— Вышестоящим структурам важно, — продолжил немного погодя Герман, — чтобы у любой находки было объяснение. Даже если это объяснение никогда не выйдет за пределы архивов.

— Зачем? — Лада отставила в сторону стакан. — Если никто не узнает.

— На случай утечки, — ответил он без нажима. — Мне до сих пор с трудом верится, что обошлось без случайных свидетелей. Плюс ученые. Военные. Работяги. Даже подписки о неразглашении не могут уберечь на сто процентов от человеческого фактора. А люди за оцепленным периметром? Они плохо переносят пустоту. Если им не дать объяснений, они придумают свои.

Он говорил ровно, почти буднично, и именно это делало сказанное тревожным.

Милен кашлянул: тихо, как будто просто прочищал горло.

— Значит ты здесь в роли буфера, — вмешался он. — Между тем, что мы находим, и тем, что можно вынести наружу без последствий.

Герман кивнул, принимая формулировку.

Лада задумалась. Несколько секунд в палатке было слышно только тихое гудение генератора и гомон рабочих где-то вдалеке.

— То есть это все… — она поискала слово, — …никуда не пойдет?

Герман посмотрел на нее внимательно.

— Это зависит не от меня.

Он не стал добавлять «и не от вас». Милен это понял и так.

Лада окинула обоих внимательным взглядом.

— В такие моменты невольно вспоминаются студенческие времена, — сказала она с удивительным спокойствием, — тогда я шла в археологию, думая, что самое опасное в профессии — это простудиться или отравиться во время экспедиции.

— Наверное, так и есть, — ответил Герман и с напускной расслабленностью откинулся на спинку кресла. — Просто вам достался редкий случай. Случай, когда находка слишком старая, но при этом слишком живая.

Лада посмотрела на него, чуть прищурившись, потом вдруг усмехнулась:

— Знаешь, я не удивлена, что ты пошел вверх по карьерной лестнице… с такой-то хваткой и умением вести разговор. На самом деле, это еще в Приангарье чувствовалось.

Она поднялась и, приблизившись к стеллажу, потянулась за увесистой папкой с отчетами.

Герман и Милен молча переглянулись.

Ладу срочно вызвали на раскоп. Внезапно, почти грубо, будто какая-то сила из недр земли дернула ее за рукав. Она уже открыла рот, собираясь поведать очередную загадку, и в этот момент в шатер заглянул посыльный. Лада на секунду замерла, словно взвешивая, что важнее, потом досадливо выдохнула и жестом передала эстафету Вербицкому.

Полотнище шатра качнулось за ее спиной, пропуская порыв раскаленного воздуха и далекий гул голосов с раскопа.

— Ну? — Герман пытливо уставился на ученого, не торопясь открывать папку, которую ему прежде любезно передала Лада. Ему показалось, если открыть сейчас, разговор может пойти уже по другим рельсам.

— Загадка из числа пугающих, — предупредил Милен и нервно постучал пальцами по металлическому подлокотнику кресла. — Знаешь, сколько по времени осадочные породы преобразуются в мергель?

Вопрос не требовал точного ответа, достаточно было масштаба. Чернов покачал головой, хотя внутри у него уже сложился ответ, смутный, но тяжелый: явно больше, чем вся история той цивилизации, чье имя они до сих пор произносили с осторожностью.

— Миллионы лет, — подтвердил его мысли Вербицкий. — При этом кости не были засыпаны мергелем. Все наоборот: мергель формировался вокруг костей на протяжении миллионов лет. А возраст самих костей, напомню, порядка пятидесяти тысяч.

Он сделал паузу, позволяя цифрам соприкоснуться.

— Несоответствие очевидно.

— Как это вообще возможно? — Герман отложил папку и требовательно уставился на ученого. — Какова вероятность того, что вы ошиблись в датировках?

— Вероятность есть всегда, — пожал плечами Милен. — Хотя экспертиза проводилась не единожды. И результат неизменен.

Он с иронией посмотрел на собеседника:

— А тебе стало бы легче, если б оказалось, что высокоразвитой расе великанов не сорок тысяч, а миллионы лет?

— Меня бы устроил любой вариант, при котором исчезает временной парадокс, — серьезно ответил Чернов. — Есть этой чертовщине хоть какое-то внятное объяснение?

— Внятное? — Милен изобразил изумление. — Ты б еще научное запросил. Вы, журналисты, все такие оптимисты?

Взгляд Германа ужесточился. Ученый хмыкнул.

— Хоть какое-то объяснение есть, — саркастично произнес он и, опустив взгляд в кружку, глотнул воды. — Оно логически непротиворечивое, но… не укладывается в рамки современной науки.

— Я слушаю.

— Допустим, что Земля — это система, способная к саморегуляции. Не в метафорическом, а в физическом смысле, — заговорил Вербицкий, уже без сарказма, пафоса или нарочитой таинственности, но с той сосредоточенностью, за которой чувствовалось возбуждение исследователя. — Любая сложная система стремится к устойчивости. При возникновении аномалии она компенсирует ее за счет ускорения процессов.

Он поставил кружку на стол.

— В биологии это называется регенерацией. В геологии такого термина нет. Но сам механизм, теоретически, возможен.

— Ты предполагаешь ускорение геологических процессов? — уточнил Герман.

— Можно и так выразиться, — ответил Милен. — Точнее, я предполагаю локальное нарушение временных масштабов. Если великаны и все, что с ними связано, являлись аномалией, система могла ее… изолировать.

— Запечатать, — нашел более подходящее определение Герман. — На Черном озере такая же история?

Взгляд собеседника сделался задумчивым. Ученый не спешил с ответом. Чернов понял: тот мысленно проверял формулировки на прочность.

Снаружи, тем временем, приближались голоса.

— Черное озеро — это свежая аномалия, — тихо произнес Вербицкий, прежде чем археологи нарушили их уединение. — Но учитывая, как быстро водоем высох, регенерация протекает стремительно.

В этот момент полог шатра отодвинулся, снаружи отчетливо прозвучал голос Лады:

— Заносите, парни.

В проеме сначала показалась спина, обтянутая выгоревшей на солнце зеленой футболкой. Молодой человек пятился мелкими, осторожными шагами, держа перед собой самодельные носилки. С другого конца их поддерживал уже знакомый Герману Игорек. Оба раскраснелись; по вискам и шее тянулись влажные дорожки пота. Ноша была тяжелой.

— Кладите на стол, — скомандовала Лада, входя следом, и тут же перевела взгляд туда, где находились гости: — А вот и первый киборг.

Она кивком указала на носилки.

— Ого, — Милен встал с кресла и направился к ней. — Такого не было со времен Черного озера.

Герман тоже приблизился к ученым, уже сгруппировавшимся вокруг стола, на который осторожно водрузили скелет великана. Зрелище было не просто пугающим, оно вызывало то холодное, почти профессиональное отторжение, какое возникает при виде грубой ошибки в самой структуре реальности.

Кости выглядели древними: пористые, изъеденные временем, покрытые язвенными углублениями, словно ткань, пораженная затяжной болезнью. Но местами они обрывались и переходили в металл. Не ржавый, не потускневший, а гладкий, как будто отлитый недавно из неизвестного нержавеющего сплава. Его поверхность покрывал прозрачный кристаллический налет, напоминавший соль или застывший иней.

Вместо руки и ключиц — протезы. Позвоночник представлял собой полностью металлическую конструкцию: сложный, многоузловой механизм, в который человеческие ребра были насажены, как на направляющие штыри. Череп, подобно многим другим костям, оказался местами «залатан» металлическими вставками, аккуратно вживленными в костную ткань без видимых следов грубого вмешательства. Железные пальцы великана сжимали прозрачный, как слеза, криолл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.